ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЗА И ПРОТИВ

© 2010 г. В.Н. Винокуров¹

В последнее время в теории уголовного права достаточно интенсивно обсуждается проблема *объекта преступления*, наметилась тенденция отхода от его традиционного понимания как общественных отношений.

Так, по мнению А.В. Наумова и А.В. Пашковской, объектом преступления следует признавать блага (интересы)². Г.П. Новоселов полагает, что объектом преступления являются люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множества лиц³. При этом указанные авторы ссылаются на положения теории отечественного уголовного права дореволюционного периода, когда в качестве объекта преступления признавались определенные правовые блага. Однако из виду упускается тот факт, что взгляды на объект преступления в отечественном дореволюционном праве в начале XX в. существенно трансформировались. В юридической литературе того периода отмечалось, что любое нарушение права отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное, поэтому всякое причинение вреда мыслится как преступное деяние против всего общества, даже если оно нарушало непосредственно интересы только частного лица⁴.

Основные доводы противников признания объектом преступления общественных отношений сводятся к следующему. *Во-первых*, признание объектом преступления общественных отношений ставит их, по существу, на высшую ступень иерархии социальных ценностей, вследствие чего получается, что уголовный закон существует ради установленного того или иного порядка отношений. *Во-вторых*, несмотря на то что любое преступление всегда сопряжено с нарушением тех или иных общественных отношений, тем не менее этот факт не образует сущности общественной опасности преступления, так как преступление причиняет вред определенным ценностям (благам), а через них – личности, обществу, государству, ради охраны которых и существует уголовный закон⁵. *В-третьих*, авторы, придерживающиеся

концепции объекта преступления как “общественных отношений”, в то же время при анализе конкретных составов описывают его не как конкретные общественные отношения, а посредством указания на “общественный и государственный строй”, “личность”, “жизнь и здоровье человека”, “интересы правосудия” и др., т.е. то, что само по себе нельзя назвать общественными отношениями⁶. *В-четвертых*, категория “общественные отношения” в философии является более абстрактной, чем любая другая категория уголовного права. В философии под общественными отношениями понимают устойчивые связи, тогда как в уголовном праве – любые связи, в том числе и конкретные, индивидуальные. Таким образом, содержание понятия “общественные отношения” в философии и уголовном праве различно, и его интерпретация для нужд уголовного права и правоприменительной практики является одной из сложных проблем. Поэтому не ясен вопрос о механизме причинения вреда общественным отношениям – не понятно, что происходит с общественными отношениями как объектом преступления после совершения преступления⁷.

Приведенные доводы, за исключением последних двух, носят декларативный характер, так как не имеют под собой никакого практического обоснования, потому что не учитывают, что объект преступления определяет его квалификацию.

Рассмотрим их более детально⁸. Ответ на первое и второе замечания следует объединить, поскольку природа преступления как раз в том и заключается, что оно причиняет вред обществу. Так, если под последствиями преступления понимать только физический вред или материальный ущерб, то невозможно обосновать уголовную ответственность иностранца, совершившего на территории России преступление против другого иностранного гражданина. Однако это легко сделать, если признать в качестве объекта преступления общественные отношения⁹. Только признание в качестве объекта преступления общественных отношений, которым причиняется вред, позволяет объяснить, почему лишение жизни безнадежно больного человека по его настойчивой просьбе является убийством; почему действия, которые в конкретной ситуации не могли привести к смерти лица, являются покушением на преступление и, наоборот, лишение жизни посягающего в состоянии необходимой обороны при соблюдении всех условий ее пра-

¹ Докторант кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент.

² См.: *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 149; *Пашковская А.В.* Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 202. В рамках статьи понятие “интерес” и его соотношение с понятием “общественные отношения” не рассматривается в силу ограниченности объема статьи.

³ См.: *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 60.

⁴ См.: *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Пособие к лекциям. СПб., 1896. С. 80; *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 51.

⁵ См.: *Зателетин О.* К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1. С. 30.

⁶ См.: Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1997. С. 126.

⁷ См.: *Рассторопов С.* Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива // Уголовное право. 2002. № 1. С. 40.

⁸ Следует отметить, что автор настоящей статьи лишь принял попытку систематизировать доводы за признание объекта преступления как общественных отношений.

⁹ См.: *Бойцов А.И.* Действие уголовного закона во времени и в пространстве. СПб., 1995. С. 103.

вомерности не является убийством вследствие того, что посягающий сам поставил себя вне отношений¹⁰. Поэтому утверждение, что при посягательстве на жизнь или здоровье конкретного человека нарушаются только его права, неверно, так как не соответствует сущности уголовного права. Если совершено убийство, то объектом преступления выступают интересы всего общества, поскольку тот, кто убит, – “один из нас”. “В этом утверждении, – по мнению Н.М. Кропачева, – нет принижения абсолютной ценности человека как биологического существа, есть только констатация фактического положения вещей”¹¹. Признание объектом преступления человека не позволяет объяснить, почему в одних случаях причинение ему смерти по неосторожности квалифицируется по ст. 109 УК РФ, в других – по ст. 143 УК РФ, в третьих, – по ст. 264 УК РФ. Объяснить это можно достаточно просто, если в качестве объекта преступления признать отношения, складывающиеся по поводу безопасных условий труда (ст. 143 УК РФ), отношения в сфере дорожного движения по поводу его безопасности (ст. 264 УК РФ) и т.д.

Недопустимость рассмотрения в качестве объекта преступления блага в том смысле, которое вкладывает в него А.В. Наумов, по мнению Л.Д. Гаухмана, выражается в следующем. *Во-первых*, это ведет к смешению объекта и предмета, *во-вторых*, указание на объект преступления как на “благо” соответствует формальному определению преступления, которому присуще включение такого признака, как противоправность, и отсутствие такого признака преступления, как общественная опасность¹². Благо – ценностное понятие. Чрезвычайно общий характер понятия блага порождает трудность в его определении, проявляющуюся в том, что благо нередко определяется через понятие “ценности”, а “ценности” – через понятие “благо”. Кроме этого, один и тот же объект может выступать в качестве блага или не быть таковым в зависимости от того, какие стороны, свойства включены во взаимоотношения с человеческими потребностями¹³. Не вызывает сомнений отнесение к категории “благо” таких реалий действительности, как жизнь, здоровье, достоинство человека. «В то же время, – отмечает В.П. Емельянов, – представляется далеко не безупречным отнесение к категории “благо”, к примеру, деятельности тюремной системы, посягательство на которую преследуется в уголовном порядке. Это вынужденный атрибут государственной власти, который вряд ли можно назвать благом для человека и человечества»¹⁴.

Понятие “благо” нельзя рассматривать в качестве объекта преступления еще и потому, что оно чрезвычайно широко и использование его в качестве объекта посягательства приведет к терминологической путанице, когда в качестве объекта преступления против собственности необходимо будет признавать материальные блага¹⁵.

Термин “ценность” (благо) можно употреблять только в

качестве характеристики свойств каких-либо явлений в системе общественных отношений. Ценность чего-либо может проявляться только в системе общественных отношений. Любое явление становится общественной ценностью только тогда, когда у общества возникает потребность обеспечить благоприятные условия для существования и использования этого блага. Так, для отдельных людей некоторые предметы имеют большую ценность, например фотографии близких родственников, однако их похищение или уничтожение не является преступлением, поскольку они не представляют общественной ценности¹⁶. Обозначение объекта преступления через понятие “ценность вещей, предметов” возможно лишь в целях экономии, но не по существу¹⁷. Поэтому в качестве ценности можно рассматривать общественные отношения, складывающиеся и развивающиеся в интересах общества¹⁸.

Представляется, что приведенные выше доводы позволяют согласиться с тем, что отказ от понятия объекта преступления как общественных отношений обусловлен не научными, а идеологическими соображениями в связи с тем, что такую его трактовку связывают с марксистским подходом к исследованию общественных отношений¹⁹. По мнению Н.И. Коржанского, все попытки опровергнуть определение объекта преступления как общественных отношений вызваны двумя противоположными тенденциями: первая – положительная – углубление, развитие и усовершенствование понятий, функций, роли и значения для практического понимания объекта преступления. Вторая – нежеланием уяснить такую сложную субстанцию, как общественные отношения²⁰.

На третий довод сторонников отрицания признания объектом преступления “общественных отношений”²¹, можно сказать, что преступление причиняет вред различным отношениям. Например, при разглашении сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283 УК РФ), вред причиняется отношениям, складывающимся по поводу обеспечения политической, территориальной, экономической безопасности Российской Федерации, поэтому для краткости и в целях экономии места в диспозиции статьи Особенной части УК РФ объектом данного преступления следует признать обороноспособность государства²².

Считаем упрек противников признания общественных отношений в качестве объекта преступления, заключающийся в том, что в уголовном праве они имеют иное содержание,

¹⁶ См.: *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 25–26.

¹⁷ См.: *Зателепин О.* Указ. соч. С. 31.

¹⁸ См.: *Замосковцев П.В.* Проблема объекта уголовно-правовой охраны в свете марксистско-ленинской теории ценностей. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 7; *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 44.

¹⁹ См.: *Филимонов В.Д.* Указ. соч. С. 21; *Шаранов Р.Д.* Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 164.

²⁰ См.: *Энциклопедия уголовного права.* Т. 4. Состав преступления. Изд. проф. Малинина. СПб., 2005. С. 103.

²¹ Позволим себе напомнить это положение: при анализе конкретных преступлений его объект рассматривается не как конкретные общественные отношения, а посредством указания на “общественный и государственный строй”, “личность”, “жизнь и здоровье человека”, “интересы правосудия”.

²² См.: *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 147–148.

¹⁰ См.: *Прохоров В.С.* Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 54.

¹¹ *Кропачев Н.М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 110.

¹² См.: *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 71.

¹³ См.: *Архангельский А.М.* Курс лекций по марксистско-ленинской этике. М., 1974. С. 161–163.

¹⁴ *Емельянов В.П.* Концептуальные исследования объекта преступления // *Право и политика.* 2002. № 10. С. 65–66.

¹⁵ См.: *Векленко В.В.* Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 24.

чем в философии, также несостоятельным. В уголовном праве, как и в философии, под общественными отношениями понимаются не конкретные связи и отношения между индивидуумами (отношения общения, межличностные отношения), а типизированные интегральные связи массы людей, возникающие как результат их совместной деятельности. В этом смысле общественные отношения образуются не в результате механического объединения индивидуальных действий многих людей, а как интегративный результат указанных действий²³. К признакам общественных отношений можно отнести следующие: это отношения между членами общества, т.е. людьми, наделенными социальными свойствами; общественные отношения носят объективный и безличностный характер, т.е. субъектами являются все члены общества, а не персонифицированные лица; общественные отношения – это результат совместной духовной и материальной деятельности людей²⁴.

Таким образом, из приведенных доводов противников признания общественных отношений объектом преступления наиболее весомыми остаются такие, как: не ясен вопрос о механизме причинения им вреда и абстрактность общественных отношений. Не понятно, что происходит с общественными отношениями после совершения преступления. Проблема механизма причинения вреда объекту преступления в юридической литературе рассматривается уже давно. Система общественных отношений стабильна и не может быть изменена в результате противоправных действий людей. Даже в связи с гибелью человека или похищением имущества общественные отношения не повреждаются, так как при похищении за потерпевшим остается право собственности в отношении похищенного имущества²⁵. «При совершении любого преступления, – по мнению Л.Д. Гаухмана, – общественные отношения как объект преступления не разрушаются, не уничтожаются, а только нарушаются»²⁶. Заметим, что нарушаются не сами общественные отношения, а лишь механизм их функционирования как системы. Понятие вреда от правонарушения вполне справедливо связывается с нарушением организации общественных отношений. С указанных позиций любое правонарушение причиняет «нематериальный» вред, который состоит в том, что противоправные действия вносят дезорганизацию в общественные отношения, подрывают общественную дисциплину и авторитет права, препятствуют нормальным процессам в функционировании и развитии общества²⁷. «Преступление, – отмечает А.И. Марцев, – представляет собой один из видов преобразовательной деятельности, поскольку, совершая преступление, субъект производит в объекте определенные изменения или создает своей деятельностью предпосылки таких изменений. Эти изменения носят деструктивный ха-

рактер и в социальном плане отрицательно сказываются на функционировании человека, общества или государства»²⁸.

По мнению Ю.Е. Пермякова, ошибка в исследовании механизма причинения вреда общественным отношениям заключается в том, что его объем ограничивается рамками конкретного состава преступления, в то время как общественная опасность является категорией социальной, а не уголовно-правовой, в связи с чем, по мнению этого автора, можно выделить три направления нарушения нормального функционирования общественных отношений в результате совершения преступления. *Во-первых*, совершение преступления может затруднить выполнение членами общества социально полезных функций. *Во-вторых*, совершение преступления может лишить общество каких-либо предпосылок его существования (например, при совершении преступлений против экологии). *В-третьих*, совершение преступления воспрепятствует воспроизводству социально одобряемых форм деятельности²⁹.

Соглашаясь с позицией Е.Ю. Пермякова, уточним ряд нюансов. *Первое направление*, выделенное им, следует обозначить как причинение политического вреда, который причиняется государству как политической организации и является более широким по объему понятием, чем последствия конкретного преступления, причиняемого при совершении преступлений, предусмотренных, например, ст. 141, 278 УК РФ. Политический вред общественным отношениям выражается в том, что виновный не выполнил своей правовой обязанности воздержаться от нарушения установленных государством запретов. Опасность их нарушения определяется тем, что совершение преступлений показывает слабость государственной власти и формирует чувство незащищенности у правопослушных граждан³⁰.

Второе направление нарушения нормального функционирования общественных отношений выражается в уничтожении среды обитания в результате совершения преступлений против экологии (гл. 26 УК РФ), так как человек не может воспроизводить социальные связи в связи с гибелью своей среды обитания³¹.

Третье направление причинения вреда общественным отношениям, характеризующееся воспрепятствованием воспроизводству социально одобряемых форм деятельности, выражается в том, что совершение деяния провоцирует неустойчивых членов общества к совершению преступлений, которое наиболее четко выражается в их незаконном обогащении. Так, кража не только причиняет имущественный ущерб собственнику или владельцу имущества и вызывает в нем чувство обиды и несправедливости, но и формирует паразитическую психологию у вора и способствует формированию этой психологии в обществе. Тем самым обществу в целом, его идеологии причиняется моральный вред³², который по объему является более ши-

²³ См.: Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 36, 39.

²⁴ См.: Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 74–80; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 32–37; Прохоров В.С. Указ. соч. С. 36; Тацый В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 14–15.

²⁵ См.: Сухарев Е.А., Горбуза А.Д. Традиционные представления о механизме преступного посягательства // Проблемы совершенствования уголовного законодательства на современном этапе. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1985. С. 21.

²⁶ Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 79.

²⁷ См.: Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 57.

²⁸ Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 7.

²⁹ См.: Пермяков Ю.А. О механизме преступного воздействия на систему общественных отношений // Уголовная ответственность и ее реализация. Межвузовский сборник. Куйбышев, 1985. С. 13–14.

³⁰ См.: Филимонов В.Д. Объектательства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. 2003. № 2. С. 83.

³¹ См.: Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1988. С. 47.

³² См.: Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С. 81.

роким понятием, чем последствия преступления, например, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 129 и 130 УК РФ.

Таким образом, остается единственный довод против признания общественных отношений объектом преступления – это их абстрактность, в силу чего в теории уголовного права предлагаются пути ее решения. Так, О. Зателепин предлагает свое понятие объекта преступления – это охраняемая уголовным законом социальная безопасность (т.е. состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства), подвергающаяся преступному посягательству, за которое предусмотрена уголовная ответственность³³. Однако заметим, что данное понятие страдает тем же недостатком, что и традиционное понимание объекта преступления как общественных отношений, – абстрактностью.

Несостоятельность признания в качестве объекта преступления такого понятия, как “благо”, уже рассмотрена выше.

Кроме этого, в теории предложено заменить объект преступления в структуре его состава предметом преступления. Так, Ю.А. Денисов, учитывая, что понятие объекта правонарушения взаимосвязано с понятием правонарушения и относится к теоретическому уровню знания, полагает правильным включить в состав правонарушения предмет посягательства³⁴. По мнению В.В. Векленко, в связи с усилением роли предмета преступления в структуре его состава от объекта как элемента состава также следует отказаться, так как, во-первых, понятие общественных отношений слишком широкое и установление предмета в каждом конкретном случае имеет более важное практическое значение, чем постановка вопроса об объекте, поэтому значение объекта для конструирования Особенной части УК РФ весьма сомнительно. Во-вторых, несмотря на объявленный приоритет общечеловеческих ценностей, преступления против мира и безопасности человечества помещены на последнее место. Получается, что преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях более опасны, чем посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства. Кроме того, по мнению указанного автора, не понятно, почему при совершении таких преступлений, как разбой (ст. 162 УК РФ) и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), в качестве непосредственного объекта преступления не рассматриваются такие ценности, как жизнь и здоровье, а на первый план выдвинуты экономические интересы, порядок управления и т.д.³⁵

Доводы о замене объекта преступления его предметом весьма убедительны и на первый взгляд действительно

облегчают задачу конкретизации ценностей, охраняемых законом, но при этом не учитывается следующее. **Первое.** Что следует понимать под предметом преступления? Если только предметы материального мира, то не понятно, почему в одних случаях уничтожение имущества следует квалифицировать как уничтожение или повреждение (ст. 167 УК РФ), в других – как террористический акт (ст. 205 УК РФ) или как диверсию (ст. 281 УК РФ). Если же под предметом понимать не только материальный мир, то следует назвать его признаки. **Второе.** Структура Особенной части УК РФ основывается на идеях дореволюционных юристов. Так, еще И.Я. Фойницкий отмечал, что все разнообразные человеческие отношения распадаются на три главные сферы: частно-гражданскую, общественную и государственную. Поэтому и преступные деяния распадаются на три группы³⁶. Соответственно расположены и нормы Особенной части УК РФ. **Третье.** Действительно вызывают нарекания конструкция и расположение норм, предусмотренных ст. 162, 317 УК РФ. Однако в данном случае речь идет об объекте преступления как об элементе его состава – конструкции, искусственно созданной субъективной волей законодателя. Расположение же указанных норм в главе “Преступления против личности” либо изложение формулировки диспозиции ст. 162 УК РФ как “*Хищение имущества с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия*” позволит указать, что основным непосредственным объектом этих преступлений являются отношения по поводу неприкосновенности жизни человека, при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа и собственность при совершении разбоя.

Вместе с тем идею о замене объекта преступления на его предмет в системе элементов состава, на наш взгляд, не стоит отбрасывать, так как это действительно возможный путь конкретизации такого понятия, как “*объект преступления*”. При этом пределы конкретизации, выражающиеся в переводе тех или иных понятий из абстрактно-обобщенных в конкретно-осязаемые, должны быть ограничены тем, чтобы определяемое как непосредственный объект не потеряло при этом свойств общественного отношения³⁷.

С целью облегчения для правоприменителя установления объекта преступления проблему его конкретизации можно решить путем более точного описания элементов структуры общественных отношений в диспозициях статей Особенной части УК РФ.

Таким образом, отказ от теории концепции общественных отношений как объекта преступления необоснован, так как доводы противников этой теории не представляются убедительными.

³³ См.: Зателепин О. Указ. соч. С. 31.

³⁴ Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. М., 1984. С.122.

³⁵ См.: Векленко В.В. Объект в структуре состава преступления // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и применения. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Омск, 2006. С. 4–6.

³⁶ См.: Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. И.Я. Фойницкого. Посмертное 7-е изд., доп. и пересмотр. А.А. Жижиленко. Пг., 1916. С. 5.

³⁷ См.: Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. Сборник ученых трудов. Вып. 10. Свердловск, 1969. С. 207.